

Федора Яшина

**ПОТОМУ ЧТО
НЕЛЬЗЯ БЫТЬ
НА СВЕТЕ
КРАСИВОЙ
ТАКОЙ...**

сборник рассказов

Федора Яшина
Потому что нельзя
быть на свете красивой
такой... сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17854365

ISBN 9785447463090

Аннотация

Однажды мне довелось попасть в почти безвыходную ситуацию. Вместе со мной в той ситуации оказалось еще некоторое количество человек. Время шло, и наступил момент, когда мы совсем было впали в отчаянье. Среди нас была одна интересная и, видимо, умная женщина, которая, поняв, насколько в нашей ситуации опасно отчаяние, предложила специально для разрядки обстановки каждому напоследок поделиться о своих добрых делах. Не все рассказанные истории оказались добрыми. Впрочем, как посмотреть;)

Содержание

Пролог	5
Предпочтения оправдываются	6
18 минут до сверхновой...	23
Пути Господни неисповедимы, или, и ангелы порой засыпают...	33
Конец ознакомительного фрагмента.	46

**Потому что нельзя быть
на свете красивой такой...
сборник рассказов
Федора Яшина**

© Федора Яшина, 2016

Продюсер: Яков Fedjakov@yandex.ru Федяков

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Однажды, мне довелось попасть в почти безвыходную ситуацию.

Вместе со мной в той ситуации оказалось еще некоторое количество человек.

Время шло и наступил момент, когда мы совсем было впали в отчаянье. Некоторые уже чуть не плакали.

Среди нас была одна интересная, и видимо умная женщина, которая поняв насколько в нашей ситуации опасно отчаяние, предложила специально для разрядки обстановки, каждому, напоследок, поделиться о своих добрых делах. Мол, кто чего сделал хорошего в жизни и чем может похвастаться.

Сразу скажу, не все рассказанные истории соответствовали этому ее пожеланию – видимо, что людям в голову пришло, то и рассказывали.

Однако, как мне кажется, тогда действительно прозвучало несколько довольно интересных, на мой взгляд, историй.

В этой книге то, что я там услышал. Не все, конечно;)

Предпочтения оправдываются

*То, что червяк называет концом света,
Учитель называет – Бабочкой.*

*Р. Бах «Иллюзии, или
приключения вынужденного миссии»*

Темень стояла жуткая. Здесь, в открытом поле, куда меня вынесло, вообще ничего не было видно. Луна и та, на удивление, совсем не давала света – будто ее вдруг выключили. Видимо очень густые тучи покрыли весь небосвод, так как звезд тоже не было заметно. Это было странно. День сегодня стоял ясный и вроде, ничего не предвещало столь резкой смены погоды.

Более того, сейчас набегу, я вдруг четко припомнил, как еще пару часов назад видел эту самую луну и даже подивился тогда, чего это она сегодня так рано выкатила.

Сзади вновь раздались крики погони, и я припустил еще быстрее. Бежать приходилось в буквальном смысле на ощупь – дороги совсем не было видно. Сзади слышались возгласы:

- Черт побери, за этим дураком не угонишься.
 - В таких потемках ноги себе можно повыворачивать.
 - Стреляйте ребята. Ну его к черту. Бегать еще за ним...
- Тут же более громкий, командный голос:
- Нет! Не стрелять! Мне нужно с ним обязательно пого-

ворить. Впереди обрыв. Он от нас никуда не денется.

Обрыв действительно был. Я, увлеченный бегом в такой темноте, не сразу его разглядел и еле успел остановиться в самое последнее мгновение. Затормозил на самом краю. Сзади, совсем рядом, слышался топот приближающейся погони, а впереди, снизу доносился рокот морского прибоя.

Положение было безвыходное. Я с трудом перевел дыхание и крикнул:

– Стойте суки, а то сброшусь вниз и хана... Я в отчаянии... и терять мне нечего, а вы ничего не узнаете... Правды не узнаете...

Шаги еще немного по инерции приблизились и затем стихли.

– Обождите ребята, я сам, – послышался со стороны преследователей все тот же командный голос.

– Эй, лейтенант, зачем он тебе нужен? Давай я лучше полосну его из автомата, да пойдем по домам.

– Помолчи.

В темноте мне с трудом удалось разобрать, что кто-то осторожно идет ко мне.

– Что тебе надо? Что вам всем надо от меня? Я никого не убивал.

– Не убивал и славно, – лейтенант подходил все ближе, – расскажешь, как все было на самом деле и тебя отпустят.

– Если ты сделаешь еще шаг, я брошусь в низ.

Послышался смех, кто-то крикнул:

– Ты дурак, что ли? Никого не убивал, а спрыгнуть хочешь. Так ты просто сдохнешь, а если с нами пойдешь, то будет шанс остаться жить.

– Я может, не хочу уже жить...

– Точно дурак, – сказал кто-то из оставшейся позади толпы, а лейтенант сделал еще пару шагов в мою сторону.

– Я ждал, что меня поймут. Я пришел к вам и сам все рассказал, а вы набросились на меня. Я думал, я мечтал, что истина восторжествует...

– Мечты редко сбываются, дорогой. Тебе столько лет, а ты этого до сих пор не понял?

В тот момент я действительно был в отчаянии и все это начинало меня злить.

– Сам ты козел. И дружбаны твои тоже козлы... К тому же, может и не сдохну. Нырну ловко и поминай, как звали. А вы, ссыкуны вонючие, ни за что не прыгните.

Странно, но этот последний выпад придал мне решимости и сил.

К сожалению, хватило его ненадолго. Кто-то из толпы быстро разрушил мой настрой, ехидненько выступив:

– Ха-ха. Там в низу до воды еще метров десять берега, – нырни давай, попробуй. – Ха-ха-ха...

Остальные дружным ржачем поддержали его.

– Да и незачем нам самим прыгать. У нас есть маленькие свинцовые подружки, которые куда хочешь прыгнут. И за тобой тоже. Герой хуев.

– Если ты прыгнешь – я прыгну следом. Так и знай, – сказал тихим голосом лейтенант. Он еще не отдышался от погоны, и разговор явно давался ему тяжело. Слова вырывались с присвистом. Может, как раз эта натужность и придавала его словам убедительности.

– Ты?

– Я.

– Значит ты еще больше дурак, чем я.

Тут мне вдруг пришла в голову мысль, что в его положении ничего не оставалось, как это сказать. Так что, его убедительности, на самом деле – грош цена. Любой бы так сказал, а вот прыгнуть – вряд ли.

Наверно я тогда все же был не в себе, иначе трудно объяснить, зачем мне в том и без того тупиковом положении, приспичило вытворить следующую глупость. Я решил пошутить над этим пустобрехом и сделал движение, будто собрался прыгать.

– Тогда лови меня там.

Лейтенант шутки не понял. Он, сильно оттолкнувшись от земли, прыгнул в мою сторону. Поскольку я в этот момент прыгать не собирался, а лишь хотел припугнуть, то увернуться не успел. Лейтенант же достиг своей цели и, падая, схватил меня за руку. Я замешкался от неожиданности и тут же почувствовал, как на запястье щелкнул наручник. Щелкнул он и на руке лейтенанта.

– Ко мне ребята! Хватайте его!

Я истерично забился, задержался, пытаюсь высвободиться, и нога моя в этой борьбе, вдруг соскользнула вниз. Я, пытаюсь удержать равновесие, махнул свободной рукой, и все же не удержался. Повалился в пропасть, утягивая за собой и лейтенанта.

Уже падая, я услышал его сдавленный от напряжения крик. Перед лицом мелькнули белки его широко открытых от страха глаз. Я понял, что это конец. Крик отчаянья вырвался из меня, но мощный порыв ветра ударивший в лицо, ворвался в легкие и заглушил его.

Мы так и падали оба, хрипя и захлебываясь воздухом. Сердце у меня остановилось и сжалось от инстинктивного страха, подступившего откуда-то снизу к самому горлу. Мозг пронизала одна единственная мысль – смерть. Смерть. СМЕРТЬ. Это слово, словно застыло в мозгу и пульсировало, не пуская в него ни чего более. Лишь спустя какое-то время, мысль о смерти вдруг распалась на множество разных мелких мыслей. Все они были молниеносны и в тоже время настолько сильны, что яркими вспышками озаряли мое сознание своей значимостью и мощью переживаемого впечатления.

Это и страх перед грядущим новым и неизвестным, и страх потери настоящего; и обидное отсутствие радости и восторга от ощущения полета, столь желанного на протяжении всей жизни; негодование и горечь за недоделанные дела; за посрамленное клеветой имя; за слезы и отчаяние ма-

тери, узнающей о моей бесславной гибели; и даже такая мелочь, что падая я вывихнул ногу и теперь она болела...

...Мысли эти мелькали одна за другой, а падение все продолжалось и продолжалось...

Потом, до меня вдруг дошло, что все это слишком долго продолжается. Как только, эта мысль осенила меня, я сначала удивился, а затем также молниеносно решил, что это мне только кажется и удар будет вот именно сейчас, когда я подумал, что его долго нет, и удар этот будет ужасно сильный и наверняка очень болезненный. Мышцы мои окаменели от напряжения в ожидании удара.

Вот сейчас... Сейчас... Сейчас...

Через некоторое время я подумал, что черт его знает, может все это будет настолько быстро, что я и не пойму, что мне больно. Но это лишь в том случае если там действительно суша. Если там все же вода, то возможна вполне мучительная смерть.

Теперь мне вдруг впервые за время падения, стало по-настоящему страшно и даже жутко, не инстинктивно, как секунды назад, когда я сорвался в обрыв, а уже именно от полноценного осознания неотвратимости пришедшей смерти.

«Вот какая она»...

...но удара все не было, а полет продолжался и встречный ветер все так же хлестал мне в лицо...

Я, наконец, открыл глаза. Вокруг по-прежнему было жутко темно и дна пропасти видно не было. Ветер сильно бил

в лицо. Я изумился происходящему, и тут же спасительная мысль, что это наверно всего лишь сон, вызвала необычайное облегчение. Но ненадолго. Боль в вывихнутой ноге вернула меня в реальность. Во сне – боли нет.

Рядом падал лейтенант. Чуть в стороне и вверху падали шматки земли, видимо отвалившиеся от обрыва во время нашего падения. Самого обрыва, точнее сказать, его стены, которой полагалось быть тут же рядом и мимо которой, мы и должны были сейчас падать в пропасть – не было.

Темнота тоже была довольно странной. Я только теперь понял это. Это скорее даже была не темнота, а темный фон. На этом фоне я отчетливо, как при свете различал лейтенанта и куски дерна, летящие рядом с нами.

Глаза у него зажмурены, лицо искаженно гримасой ожидания, чего-то неизбежного и крайне неприятного.

Падение продолжалось...

Наконец, лейтенант тоже открыл глаза. В этих глазах недвусмысленно прочиталось изумление и ужас. Так, глядя друг на друга и растерянно озираясь по сторонам, мы падали еще некоторое время. Потом лейтенант, наконец, крикнул:

– Что происходит? Тут же всего метров 30 от силы! А мы падаем уже минуты три!

Происходящее было настолько абсурдным, а лицо у него так сильно искажено эмоциями и встречным ветром, что я не смог не улыбнуться даже, несмотря на то жуткое положение, в котором мы оба оказались.

Лейтенант тем временем задрал голову и посмотрел вверх – туда, откуда мы падали.

– Э-ге-гей! Па-ца-ны...

Ни кто не отозвался.

– Блять, там тоже ничего нет. Где ж это мы?

– Точнее сказать, куда это мы?

Мощный ветер, бьющий в лицо и рвущий одежду, по-прежнему не ослабевал, свидетельствуя о продолжающемся падении. Но дна было не видать...

– Черт его знает, что тут творится, но по элементарной логике, все должно произойти скоро и притом в любое мгновение. Например, прямо сейчас!

У меня по спине пробежали мурашки.

И тут же я подумал о другом.

– А может наоборот. Раз мы падаем уже пять минут на глубину в тридцать метров и до сих пор не упали, то можем падать и целый час, и день и неделю!

Эта простая мысль ошеломила обоих. Некоторое время падали молча. Долго. Не могу сказать сколько, но долго. Может полчаса, может дольше.

– Какого хрена ты сука выделывался, там на краю, а!? Сейчас бы все было нормально, – вдруг зло прохрипел лейтенант.

– Пошел ты в жопу, мудака! Вы же сами гнались за мной. Вы бы посадили меня в тюрьму!

– А теперь ты сдохнешь! И обиднее всего то, что я вместе

с тобой...

Опять некоторое время молчали.

– Да это абсурд какой-то! Такого не может быть! – наконец я не выдержал.

– Ха! Ты не рад тому, что мы все еще живы?

– Может, мы все же померли, а? Это хоть как-то смогло бы объяснить наше положение.

Помолчали, переваривая сказанное и происходящее. Наконец лейтенант плюнул, махнул рукой и заговорил:

– Тебя как зовут-то?

– Артем. А тебя?

– Меня Степаном. Давай Артем, я наручники-то расстегну. Чего уж теперь то...

Мы расстегнулись и полетели дальше каждый сам по себе.

– Черт побери, ну это же гон! Чушь! Дичь полнейшая!

– Ха-ха-ха, – заржал Степан, – но это именно так. Я думаю, мы все равно уже покойники. Так что нужно насладиться последним возможным в этой поганой жизни – получить кайф от полета. Я мечтал о нем очень много.

Он вдруг широко развел руки в стороны и загудев, как ребенок изображающий звук летящего самолета, перевернулся головой вниз и стал падать еще быстрее, продолжая остервенело, ревя нестись вперед. Точнее в низ. Я, оставшийся позади, вернее вверху, испугался, что останусь в этой дурацкой ситуации один и закричал:

– Эй! Ты куда? Не улетай от меня. Ты для этого наручники

отстегнул? Вместе давай падать.

– Догоняяяя!

Я засуетился, замахал руками, задергал ногами, кое-как наконец-то перевернулся вниз головой. Руки, как Степан, расставлять в стороны не стал, а вытянул их вперед, будто нырял в воду. Скорость падения действительно увеличилась, так что дух у меня захватило, и я стал потихоньку нагонять Степана. Когда догнал, приблизился к нему поближе и почему-то душевным, тихим голосом, как будто нас мог кто-нибудь подслушать, сказал:

– Ну? Что ты тут устроил, бляха-муха, аттракционы. Может, не будем спешить, а? Полетим, как летели? Может, нам лететь то, всего пару минут осталось, а мы несемся, как угорелые. Внизу смерть. Давай понаслаждаемся спокойным и неторопливым полетом.

Степан резко и на удивление ловко развернулся. Меня пронесло немного ниже.

– Да какая теперь разница, Артемка. Чем быстрее – тем быстрее. Чего тянуть то!?! Неизвестность только беспокоит. Покоя не дает, – но он все же перевернулся опять на спину и полетел медленнее. Я тоже принял нужную позу, и мы вновь стали падать рядом и «не торопясь».

– Степан, ты что, когда представлял себя летающим, то видел себя самолетом?

– Ну да.

– Странно. А я почему-то всегда видел себя птицей...

– Как думаешь, куда мы упадем? Может в затерянный мир или еще какое-нибудь фэнтези, а? Представляешь, как было бы интересно!

– Даа... романтика, блин.

– Впрочем, это и так похлеще любого фэнтези...

Примерно через часа или два такого неизменного падения, у нас опять сдали нервы и случилась истерика. Начал я, а затем и Степан.

– Это же, блять, с ума так можно сойти! – кричал я.

– Да что же это происходит в конце то концов! – вторил мне Степан.

– Пидарасы! Кто это делает?!

– Суки, пазорные!

Он выхватил пистолет и принялся палить из него в разные стороны.

Еще через пять минут, когда истерика прошла, Степан убрал пистолет и вдруг предложил выпить.

– Что!? Выпить!?

– Да. У меня есть немного коньячку, – он достал из заднего кармана брюк плоскую стеклянную бутылочку дешевого коньяку. Уже слегка початую.

– Конечно, давай! – глаза у меня заблестели. Я действительно очень сильно обрадовался. Само по себе, любое занятие в таком положении уже успокаивало. А уж бухание в та-

ком необычном месте тем более. С большой осторожностью, дабы не расплескать ни одной капли, выпили. Это будто бы сблизило. Нам даже удалось поговорить о каких-то пустяках, связанных с той, еще земной жизнью, с которой оба, в который уже раз, мысленно попрощались несколько минут назад.

Вообще настрой у нас менялся постоянно и очень кардинально. От эйфории, что все уже кончилось и похуй теперь на все, и тогда мы довольно неплохо себя чувствовали – до обратного – впереди смерть, и хоть тоже в принципе теперь похуй на все, но тогда мы просто коченели от ужаса. Причем, чем дольше мы падали, тем чаще и дольше длились моменты эйфории и более короткими, и редкими становились приступы паники и страха.

Степан предложил выпить на брудершафт.

Я сначала для вида покочевряжился, мол, это вы злодеи загнали меня сюда к пропасти и по твоей, Степан, милости я в таком не завидном положении и целоваться с тобой не стану. Но затем, выслушав доводы Степана в том, что виноват вовсе не он, а я, и недолго обоюдно пообсуждав это и придя к выводу, что это судьба нас так свела и по большому счету во всем виноваты обстоятельства, решили, что теперь нам всяко-разно нужно держаться друг друга.

Мы выпили по очереди из фляжки и поцеловались в губы.

– Ну что ж, теперь можно падать дальше, – весело пошутил Степан и я даже хохотнул на это,

– Жаль, запивачки нету.

– Да, блин хотя бы закуски какой-нибудь, лимончик там или...

Я остановился, так и не договорив. Новая не радостная мысль пришла мне в голову. Та же мысль видимо пришла и Степану. Мы посмотрели друг на друга. Степан заметно сглотнул. И произнес:

– А если мы о-о-очень долго будем падать?... Я уже хочу пить.

– ЧЧЧерт!..

– Давай подумаем об этом, когда протрезвеем. Не хочется кайф ломать.

У нас в самом деле, не смотря на новые грустные мысли, общий тонус благодаря коньяку приподнялся. И портить его не хотелось. На время, мысли о конце отступили на второй план. Масса новых ощущений от полета переполняла. Когда справляли нужду, вообще от души поржали...

Через некоторое время мы решили постараться продвигнуться куда-нибудь в сторону и посмотреть, что там есть. Должна же где-то тут быть стена того самого обрыва. Долго спорили, в какую сторону нужно грести. В голове давно все уже перепуталось и можно было только с уверенностью сказать, где низ и верх. Да и то были ли они? Иногда возникали сомнения на этот счет.

Полетав примерно с полчаса по кругу, обрыв не нашли.

– Радует, что мы, по крайней мере, на земле – раз сила притяжения действует и ускорение работает.

– Хрен его знает, где мы. Сейчас, в принципе, можно легко представить, что мы не падаем, а, например, просто с большой скоростью несемся куда-нибудь горизонтально земле.

– В принципе да...

– Скажи Степан, а как ты вообще представлял себе свою смерть? Ведь как-то ты ее представлял? Какую-то предпочитал всем остальным, а?

– Хм. Не то чтобы представлял, но вот, смеяться будешь, а хотелось, как раз, вот так вот умереть. Забраться на какую-нибудь высоченную гору и сигануть с нее. Хотел почувствовать полет, так сказать.

– Так сходил бы в авиаклуб, да сиганул бы с парашютом. Сейчас же это вроде не проблема. Деньги только плати.

– С парашютом? С парашютом наверно классно полетать. Еще наверно лучше на дельтаплане взмыть в небеса... но все же, это что-то не то. Ты ж про смерть меня спросил. Я почему-то с детства еще считал, что такая смерть самая пантовая. Да и в итоге мгновенная, наверно. Без мучений. А ты?

– Я тоже думал на эту тему и решил, что по большому счету пофигу, как умирать. Главное, я хотел успеть осознать этот момент. Чтоб дошло до меня, что вот наступил тот самый момент, когда все. Пусть даже в муках предсмертных. Я, в отличии о тебя, наоборот очень боялся, что это может произойти внезапно – хлоп и готово, а даже понять ничего

не успеешь. Или, наоборот, во сне – тихо, мирно, непонятно. Я думаю, что если без осознания конца жизни, умереть, то это как будто и нежил вовсе. Был я – не был, умирал – не умирал – одна херня. Не помнишь, как родился и не помнишь, как умер. Это как сон, который не помнишь, как будто ты съездил в какое-нибудь путешествие и потом напрочь забыл о нем. Значит, его просто не было.

– Ну да. Может быть.

– Обидно мне кажется.

– И все же, стало быть, мы оба удовлетворены должны быть, хы-хы. И я полетал перед смертью, и ты успел о ней подумать. Ха-ха-ха... гх-гх, – он поперхнулся от сильного ветра.

– Нет, это все не так вышло. Я, конечно, успел в полной мере осознать, что мне капец пришел, но все же жизнь после этого продолжилась. Ведь, как не крути, но раз я не умер сразу, то надежда на то, что я продолжу жить у меня вновь поселилась в сердце. И пока я вновь живу. Так что теперь мне перед смертью, опять надо успеть подумать. Осознать. Но боюсь, с такой силой шлепнусь об дно, что ни чего вообще не успею. Так что ты ко мне не подмазывайся. Тебе, суке ментовской, опять больше повезло, чем мне.

– Не выделяйся. Это тебе больше повезло. Ты же ведь полностью осознал, что тебе кранты. Это же не шутка была или что-то еще. Это же было совершенно искреннее чувство. И жив остался. А теперь мгновенно и без мук умрешь. Мо-

жет даже тебе дважды повезет, и ты еще раз осознаешь свою гребаную смерть. Столь же откровенно. Раз ты два раза абсолютно серьезно от начала до конца прочувствовал момент смерти, то это, то же самое, как если б ты два раза умер. Такое знаешь, не каждому дается. Ха-ха-ха. Вот везунчик! Так что согласись, хоть в этом наши предпочтения оправдались, а?

– Да уж..., оправдались, ё-маё...

– Хотя во-второй раз тебе уже такого не удастся пережить.

– Почему это?

– Потому что теперь ты будешь все же надеяться, что это опять не конец, а такая же хуйня, как сейчас...

– Да уж...

– Зато теперь, ты можешь пожелать перед смертью еще чего-нибудь. Полета, например. Ха-ха... офигенного, абсолютно свободного полета!!!... – и он начал переворачиваться для скоростного паллета, головой вниз.

– Ладно, хватит уже про эти философские бредни о смерти. Во рту пересохло. Говорить уже мочи нету. Давай уж и правда ускоримся, – и я так же, как и он ловко перевернулся, вытянул руки вперед, и мы помчались на перегонки...

...время шло, дна не было видно, а жажда, голод и холод от непрекращающегося потока встречного воздуха, принесли все больше мучений. За ночь или вернее за часы беспокойного сна у Степана в глазу от этого ветра вскочил яч-

мень... Жуткая сухость во рту была очень мучительна, но когда стали высыхать глаза и веки при моргании сухо скребли о глазное яблоко, стало еще хуже... Примерно через 40—50 часов падения у Степана стали появляться признаки сумасшествия – он бредил и видимо видел галлюцинации. Мне трудно судить о себе, но возможно тоже происходило и со мной... После 70—80 часов полета, мы падали уже почти постоянно без сознания... Чтоб не потеряться вновь сцепились наручниками... Изредка, я приходил в себя. Степан уже не приходил... Последний раз, когда я очнулся, его кожа была уже темно-синего цвета.

18 минут до сверхновой...

*Далеко не всегда,
когда новое светило загорается,
старые тоже остаются светить.
Иначе бы мы давно ослепли от света...*
Джордано Бруно

Закулисное помещение.

Агент Звезды, закинув ногу на ногу, развалилась в углу дивана и что-то говорит про очередной успех Звезды.

Сам Звезда медленно, с ленцой прохаживается из угла в угол. Налево-направо. От дивана к окну. И обратно. Не смотря на оптимистический и бодрый настрой Агента, сам Звезда выглядит несколько помятым и усталым. Этот концерт сильно его утомил. А ведь завтра еще два концерта. Уже который раз, он подумывал про себя завязать с гастрольной деятельностью, но банально нужны деньги.

Охранник стоит у двери. Прислушивается к звукам из наушника в левом ухе.

– Нам пора, – произносит он, – местная служба безопасности оттеснила фанатов. Расчистила проход.

Это напоминание о фанатах, вернуло Звезду из тех радужных просторов, что ему только что обрисовывала агент. Он вдруг схватился за голову и взъерошив волосы, воскликнул:

– О боже! Как жутко меня достали эти фанатки. Если б

вы только знали.

Агент тихо хохотнула и указала на кучку мягких игрушек в углу комнаты.

– Звезда, ты мишек будешь забирать?

– А ну их в жопу... – Звезда махнул рукой. – Мне их девать уже некуда. Все в этом дерьме. Все фанаты – девчонки, и все суют эти, блин, игрушки. Почему девчонки дарят мне одни мягкие игрушки? Завалили просто. Не могут что ли, что-нибудь другое дарить, а?

Агент снова хохотнула.

– А что ж тут подаришь, Звезда? Ты сам подумай.

Звезда, натягивая куртку, задумчиво произнес:

– Да уж...

Постоял с минуту, отрешенно пялясь куда-то в угол и закончил:

– Тогда б лучше вообще ничего не дарили. Дибиллизм, блять, какой-то...

Охранник переступил с ноги на ногу, слегка кашлянул и произнес:

– Это оттого, что в женщинах очень много животного начала... Животных инстинктов... Гораздо больше, чем даже в мужчинах.

Звезда и агент удивленно посмотрели на него.

– Это, что еще за взаимосвязь, между плюшевыми игрушками и животными инстинктами?

Охранник опять кашлянул и смущенно потоптался на ме-

сте.

– Связь короткая и простая. И говоря, что в них больше животного, я в первую очередь имею в виду их инстинкты и мироощущения. Ведь, все эти игрушки не просто игрушки. В данном случае это переносчики частичек девчачьей любви. Девочки-подростки мастурбируют этими мишками и зайками, а потом дарят их своему обожаемому кумиру. А затем они мастурбируют на своего обожаемого, уже с гораздо большим наслаждением, чем до этого. Так как считают, что теперь они, как бы прикоснулись этого обожаемого, как бы отдали ему свою частичку, а он как бы эту частичку взял. Это почти как магия...

– Ух, ты! – Агент ухмыльнулась, – смотри, как завернул.

Звезда поднял с пола одного игрушечного мишку. Быстро и порывисто понюхал.

– Да уж девчухи в этом смысле дают...

Агент в тон ему промолвила:

– Да, мы это умеем, – она вся расплылась в сладенькой улыбочке. И вдруг добавила:

– Тут ты, Охрана, пожалуй, прав. Я вот тоже в детстве баловалась игрушками. Правда, резиновой, а не плюшевой.

Ребята переглянулись.

– Чё прямо фалоиметатором, что ли? – оба заржали. – У мамы брала?

Агент Звезды, девчонка сильно бывалая, такими подъёбками ее не смутить, потому она спокойно продолжает:

– Да нет, не фалоиметатором. Знаете, у многих подростков – это обычно в ванной происходит и тут я не исключение, – она опять заулыбалась, – была там у меня такая вот резиновая курочка... Папа подарил, когда я еще в садик ходила. Если б он знал, какую важную роль первооткрывателя, сыграет она в моей жизни.

– Курочка?

– Ну да, курочка. Жёлтенькая такая, с красненьким клювиком. Она так удачно была изогнута, что как раз совпадала своими резиновыми изгибами с... ээ... моими ...с моей... с моим телом, в общем.

– Ха-ха-ха. Ты смотри, нашла-таки нужное слово. А я уж надеялся услышать словцо по интересней. – Звезда подмигнул охраннику.

Агент застенчиво заулыбалась, слегка потупив взор, как будто на мгновение погрузилась в приятные воспоминания. И молчала.

Ребята же ждали продолжения.

– И кому же ты ее подарила? Свою-то курочку? Кто этот счастливец?

Улыбка Агента тут же поникла.

– Никому я ее не подарила. Так и осталась она дома, когда я уехала в институт учиться. А потом, года через два, приехала к родителям на дачу и увидела ее там. Она лежала в грязи около собачьей будки. Теперь ею игрались щеночки – оттачивали на ней свои зубки... Эх черт, так мне тогда

взгрустнулось!

– Ты поняла, как далеко в прошлом, остались те невинные игры с девичьим телом, в родительской ванной, – с грустью, в тон Агенту промурлыкал Охранник.

– И в какие необузданные, похотливые и даже немножко грязные игры, все превратилось теперь – в студенческой общаге политехнического института. – Закончил за ним Звезда и они вдвоем с Охранником заржали.

Агент тоже хихикнула.

– Ну, конечно, не так все мрачно, как вы, мальчики, тут обрисовали, но в общем-то мысли мои текли примерно в этом русле. А как вы баловались?

Звезда от неожиданности кашлянул.

– Хы-хы. Дорогая, это происходило совсем не так интересно и уж поверь – гораздо прозаичнее.

Охранник, не дожидаясь, когда спросят его, пробурчал что-то о том, что им совсем уже пора и вышел проверить насколько, безопасно его коллеги подготовили отход звезды.

Оставшись вдвоем, Агент со Звездой развалились на диване в ожидании окончательной команды Охранника.

– Как думаешь, может нам сменить охрану? Слишком уж мы стали близки с нынешними. Не к добру это. Слишком много себе позволять стали. И мы и они.

– Ну, не знаю. Ты мой агент, тебе и решать. Но вот этого Охранника мне явно будет не хватать. Магёт он иной раз, так ловко все разложить по полочкам, что прям к психоана-

литику не ходи.

Звезда встал с дивана, подошел к окну и слегка раздвинув жалюзи, посмотрел в низ на толпу фанатов у выхода. Хмыкнул.

– Ух, ты! Среди фанаток один Фанат.

Агент быстренько встала и подошла к окну.

– Интересно.

В самом центре девчачьей толпы стоял один пацан и переругивался со сдерживающими их натиск охранниками.

– Педик он наверно.

– Что так сразу-то? Я еще не одного педика не видел среди своих фанатов.

– Может, он просто, с девчонкой своей приперся. Дурак.

– Я дурак?

– Да причем тут ты! Он дурак. Тоже мне нашел развлечение с бабами за звездами бегать.

Внизу, Охранник, выискивая слабые места, быстро прошелся по расчищенному охраной, в толпе фанатов, узкому проходу. Остановился перед Фанатом, пристально посмотрел ему в лицо.

– Ты то, еблан, что тут делаешь?

– На Звезду хочу посмотреть. Сфотать его, – он поднял фотоаппарат. – Да и телка моя, просила своего мишку задроченного, плюшевого, Звезде подарить. Любит она его беззаветно.

Охранник заржал.

– Любит, говоришь, – Охранник снова хмыкнул, – а ты дурак, ее мишек задроченных ему передаешь. Ты ж пацан вроде. Ревновать должен.

– Да хули его ревновать. Этот сегодня уедет и больше она его никогда не увидит. А моя слава еще впереди. – Пацан улыбнулся. – Так что, он мне не конкурент.

– Ну, раз так, давай, если хочешь, я ему твоего мишку передам.

Фанат обрадовался, было и даже уже протянул Охраннику игрушку. Но вдруг передумал и сказал:

– Нет уж лучше я сам. А то как-то, через слишком много рук он идет. Она просила меня, а я отдал тебе. Нет. Он же ею надроченный, сам понимаешь, такое кому попало не доверишь! Нет, уж лучше я сам.

Они оба засмеялись.

– Ну, как хочешь. – Охранник довольный, что встретил такое точное подтверждение своим догадкам про животную сущность девчонок, повернулся и пошел к входу, все еще ухмыляясь.

Появился в дверях закулисья.

– Ну, что готовы? Тогда идем.

Агент со Звездой переглянулись.

– О чем ты с ним говорил?

– Да так. Спросил, какой у него фотоаппарат.

– Он что, журналюга, что ли какой-то?

– Не знаю. Говорит, что очень любит твое творчество. Оно

ему очень близко. Хочет тебя сфотографировать с близкого расстояния, – охранник не сдержался и слегка хохотнул. – Ну, так, что вы? Готовы? Выходим.

– Подозрительно это. Что-то, я до сих пор не видел ни одного мужика, которому нравились бы мое творчество. Или он и правда педик или ты, мяса кусок, глумишься надо мной?

Охранник уже еле сдерживался, чтоб откровенно не заржать, так что, когда говорил, смех даже прорывался меж слов.

– Не ссы. Все под контролем..., Местные ребята хорошо знают свою работу..., Всех проверили, досмотрели.... Идем.

Они пошли. Сначала Агент, затем Звезда, и Охранник следом.

Погодка на улице стояла великолепная – морозец чуть меньше 10 градусов, слабый снежок, медленно опадающий откуда-то с неба. Если б не обильное присутствие кричащих людей, то просто умиротворяющая и благостная атмосфера.

Как только Агент появилась в дверях, ночное пространство, слабо освещенное уличными фонарями, разом вспыхнуло светом множества фотовспышек. Звезда появился следом. Широкая улыбка традиционно озаряла его красивый лик. Фанатки восторженно завизжали. Репортеры еще старательней защелкали камерами, сопровождая свою работу возгласами типа:

– Помаша рукой Звезда!

– Сюда посмотри! Сюда!

– Это правда, что у вас роман с Натальей Вальпургиевой?

На полпути до открытой двери лимузина, Звезда остановился. Повернулся к фоторепортерам, намного попозировал, затем повернулся в сторону кричащих фанаток, приподнял руку в приветствии:

– Hello!..

Десятки девчачьих рук взметнулись в его сторону. В плечо ударился плюшевый мишка. Звезда поднял его, демонстративно, играя на публику, чмокнул в мордочку.

– Эй, Звезда, возьми и моего, он с конфетами, – Фанат попытался размахнуться пошире, но народу вокруг было много и у него не получилось. К ногам тяжело упал плюшевый медведь. Звезда нагнулся, поднял его и обращаясь к Охраннику, спросил:

– Ну, пацан-то, на такие выходы с дрочкой не способен. Однако смотри и он туда же со своими мишками. Так что, скорее всего, нет тут ничего животного. Ошибся ты, Охрана. Один только голый, обывательский символизм... И этот дурацкий символизм, затрахал меня уже...

Охранник, услышав такие слова Звезды, от души заржал. А тот решив, что так ловко и в тему сострил, тоже засмеялся. Затем, нащупав, что-то твердое внутри игрушки и молнию на пузе. Обрадовался и подобрел.

– Хотя ладно, этот хоть конфет в него напихал.

Агент уже сидела в машине, но услышав про конфеты, высунулась:

– Вот и славненько, в самолете чаек с ними попьем.

– Он извращенец скорее всего, – сказал Охранник, последним садясь в машину. – Быть может он от девки своей, подарочек передал, а уж, что она с мишкой этим делала, и куда конфеты эти пихала, хрен знает.

Он снова заржал и увидев в последний момент Фаната, подмигнул ему и махнув на прощанье рукой, крикнул:

– Бывай, будущая Звезда!

Тот тоже помахал и что-то произнес в ответ, но Охранник его уже не услышал. Дверь захлопнулась и машина тронулась.

Звезда все еще крутил в руках плюшевого мишку.

– Ух, какой он тяжелый! Что ж там, черт побери, за конфеты такие? Грильяж что ли? Грильяж я люблю.

Охранник вдруг напрягся. Что-то мелькнуло в его мозгу. Какая-то тревога. Всплыла фраза фаната: «А моя слава еще впереди». Профессиональное чутье, хоть и с опозданием, но дало о себе знать. Мурашки пробежали по его спине от загривка до копчика. Одной рукой он начал открывать дверь, а другой потянулся к Звезде.

– Дай сюда.

– Сам справлюсь, – улыбнулся Звезда.

– Дай сюда! – закричал он.

Звезда дернул замок на молнии.

Пути Господни неисповедимы, или, и ангелы порой засыпают...

*...Иной раз, когда кажется,
будто наши ангелы – хранители проснулись,
на самом деле, оказывается, что это просто
чужие ангелы воспользовались нашей
беспомощностью...*

Св. мученик Лохнецкий ст.67 пс.36

Небольшая однокомнатная квартирка почти в центре города. Стены ее, некогда покрытые белой известью, – теперь заляпаны всевозможными пятнами от еды, блевотины, давленных тараканов и прочей отвратности. Из мебели в комнате только стол, диван, да несколько заваленных каким-то тряпьём колченогих стульев. На столе, куча пустых бутылок, крошек, газет, объедков и т. д. Видавший многое и потому сильно потрепанный диван стоит в углу. На нем, поверх серых от нестиранности простыней, раскинувшись во всю диванную широту и длину, лежит Лукреция – она из тех самых, кого в народе называют конченной пьянью. Глаза её открыты, и она медленно, с отвращением оглядывает свое жилище. В голову лезут разные мысли. Одна из них – самая настырная, – приходящая каждое утро, кажется Лукреции самой правильной и в тоже время наименее выполнимой. Эта

мысль настолько её беспокоит, что она даже произносит ее вслух:

– Надо бросать это беспробудное пьянство, – в её голосе чувствуется усталость. – Заеблась я уже.

Она со стоном тянется к пивной бутылке. Та оказывается пустой и Лукреция отбрасывает ее в угол. Поднимается и на не твердых ногах бредет на кухню. Склонившись над раковиной, заваленной грязной посудой, пьет прямо из-под крана.

Напившись, Лукреция идет в уборную, где, несмотря на свой пропитой вид, довольно эротично мочится. Затем лезет ванну, включает воду, быстро настраивает нужную температуру и плюхается на самое дно. Лежа под жесткими струями воды, она еще немножко думает, на столь болезненную для нее тему алкогольной зависимости и решает попробовать еще раз завязать.

Покончив с личной гигиеной, Лукреция принимается за уборку квартиры. Она вяло слоняется из угла в угол, собирая мусор и складывая его в полиэтиленовый пакет.

Неожиданно резко ее охватывает жуткий тремор. Руки начинают трястись, отчего из них все вываливается и никак не хочет запихиваться куда надо. Из-за такого оборота приходится прекратить уборку.

Лукреция садится посреди недоубранной квартиры и сильно отчаивается. Ей становится жалко себя, свою ничемно погубленную жизнь. Ведь было время, когда она учи-

лась в институте, имела хорошую работу, красивых и интересных мужчин. «Почему все так сложилось? Что случилось? Что со мной?», – вопрошает она у каких-то невиданных сил и естественно, ответа не получает.

От этих горьких, безответных мыслей, Лукреция немножко плачет. Как и во все прежние попытки, бросить пить оказывается не просто. Чувствует себя, Лукреция очень плохо – её знобит, мутит, голова раскалывается. Помимо, или скорее из-за этого, мысли ее постоянно возвращаются к выпивке. Она знает – стоит ей выпить 100 гр и здоровье ее сразу улучшится, но также она понимает, что наверняка на ста граммах ей не остановиться.

Все эти мысли, конечно же, негативно влияет на, и без того ослабленную, силу воли, и внутри лукрециевского организма происходит борьба между здравым смыслом и неумными желаниями. В итоге Лукреция не выдерживает и громко, будто для кого-то, произносит:

– А ну все в жопу – похмелюсь! – и идет в магазин.

Впрочем, к её чести, уже непосредственно у прилавка, в тот момент, когда ей привычно подали пол литровую бутылку водяры, Лукреция все же находит в себе силы и произносит хриплым от волнения голосом:

– Нет, Сёма, дайка мне лучше сто грамм и пару литров тоника. – Продавец, давно уже знавший Лукрецию, удивленно смотрит на неё, затем подает маленькую бутылочку-стакан «голубого топаза» и двух литровый батл с желтой наклейкой.

– Да-да Сема, всего сто грамм водки и много тоника. Думаю начинать новую жизнь, бляха-муха.

– Что ж, попробуй, милая Лукреция. Может в этот раз у тебя, что-то получится. Если бросишь, обещаю в течение недели давать тебе бесплатно, китайскую вермишель.

– Ну что ж, стимул есть.

Соточку Лукреция засаживает тут же у прилавка. Теперь ее не трясет, самочувствие улучшается. Махнув, на прощанье продавцу, она выходит и медленно бредет домой. Раньше, когда Лукреция еще не так много пила, как сейчас и пьянью еще не была, но уже изредка устраивала кратковременные моратории на употребление алкоголя, именно тоник служил своеобразным заменителем бухалова. Своей освежающей горечью он всегда напоминал ей алкоголь, но, что очень важно, им не являлся.

По дороге домой, попивая тоник прямо из горла, Лукреция с досадой, вполне однозначно думает, что не пить у неё не получится и тоником тут не спастись. Причем, с не меньшей однозначностью понимает, что физически, пить уже тоже не может. Организм её устал. Сильно устал. Но, забухерить очень хочется. Что ей делать? Что? Она же не может не пить.

В итоге, чтобы чем-то занять себя и как-то отвлечь мысли от выпивки, пьянь решает сходить в баню. Горячая парилка и ледяная купель всегда способствовали поднятию жизненного тонуса и улучшению самочувствия.

Лукреция заходит домой, скоренько собирает банные принадлежности, берет последние деньги и идет.

В этот час баня, как всегда пуста – лишь старуха банщица, носит туда-сюда воду в здоровенном металлическом ведре, да какая-то монахиня неуклюже раздевается, путаясь в длинной рясе. Наконец ряса снята, и монахиня медленно опускается на лавку, предусмотрительно застеленную газеткой. Она оглядывается по сторонам и никого, кроме голы Лукреции, не обнаруживает. Лукреции, в общем-то, тоже смотреть не куда, так что взгляды их невольно встречаются. Монахиня, смущенно улыбается, залезает рукой в пакет, стоящий у её ног, недолго капаётся там и извлекает на свет божий бутылку водки:

– Раздели трапезу со мной, православная.

Тут то Лукреция окончательно понимает, что сегодня, явно не тот день, чтобы начинать новую жизнь. «Ладно, не первый раз бросаю. А то когда еще с монахиней, пить доведётся».

Собутыльницу зовут матушкой Глафирой. Выпив пол бутылки и разговорившись о том, о сем, Лукреция наконец созревает для того, чтобы задать монахине вопрос волнующий её в последние дни более всего:

– Скажи-ка мне маменька...

– Матушка, – уже в третий раз терпеливо поправляет та.

– Ну да..., Впрочем, какая разница. Я сейчас не о том, – Лукреция залезает рукой под простынь, накинутую на пле-

чи, теревит зачем-то сиску и забросив ногу на ногу вопрошает. – Я вот, что хочу спросить. Почему в жизни так случается, что у человека, на протяжении всей его жизни, все идет хорошо, и вдруг наступает черная полоса. В один момент, ни с того ни с сего, все начинает рушиться, портиться и человек уже не понимает, откуда у него бралось столько сил, чтоб добиться того, чего он добился и не понятно, куда у него подевались все эти силы. А?

Глафира терпеливо выслушивает эту неожиданную тираду, поглаживает свою мокрую бороду и изрекает тоном, каким обычно пьяные люди излагают всем известные аксиомы:

– Дык, ведь господь испытывает нас...

Лукреция недоуменно смотрит на матушку.

– Чё ему нас испытывать? Мы же не разведчики какие...

Та тоже не растерялась:

– Ну, тогда значит ангелы-хранители заснули.

– Как это?

Монахиня принимает важную позу и с поучительным видом говорит:

– Да, да, дочь моя, ангелы-хранители тоже изредка, но расслабляются. Всю жизнь нашу, они бдят неустанно, следят, чтоб все у нас, было как надо, контролируют, наставляют на путь истинный, в обиду не дают, ну и все такое, сама понимаешь, они же ангелы-хранители. – Глафира подняла бутылку, собираясь налить еще по-полтиничку, и продолжила – От этого трудного, всеохватного дела, они все же иногда

устают и засыпают, выпуская нас из-под своего всевидящего ока, иногда на час, а иногда спят годами. Вот тут-то, как раз и важно, чтоб человек не оступился, был покорен судьбе своей, чтоб не нагрешил – Она назидательно поднимает кверху палец и тут же, будто спохватившись трижды крепится и причитает.

– Прости меня Господи, прости меня Господи, прости меня Господи.

«Значит мои ангелочки спят? – спрашивает себя, Лукреция и приятные слезы самосожаления наворачиваются у неё на глазах, – когда же они проснутся, родимые?»

– Так что, давай Лукерья, выпьем за ангелов наших верных, чтоб не уставали особо, и мы, непутевые, чтоб трудностей им не создавали.

– Ты Глашка, будто не про ангелочков вовсе, а про лошадей каких говоришь.

Водку допили. Глафира сидит некоторое время в задумчивости, а затем подзывает банщицу. Шепчет ей что-то на ухо, та понимающе хмыкает, скрывается в своей каморке и через некоторое время, приносит пива

...на улице, только начинает светать. Лукреция слышит сквозь свой чуткий алкоголичный сон телефонный звонок. Она нехотя поднимается, оглядывается по сторонам и к своей радости обнаруживает, что находится дома. Звонит Прокл.

Она слышала от кого-то из знакомых, что Прокл, теперь стал кем-то вроде бандюги. Но не бандюга, это точно. Хотя кто знает? Она ведь ничего не знала.

Лукреция не виделась с ним уже около года и до того случая еще год, так что она даже не сразу понимает кто звонит. Прокл говорит, что хочет приехать прямо сейчас т. к. нужно срочно увидеться. Лукреция сперва, по привычке, радуется, как и всякий другой пьяница, надеясь на халявное бухло, которое было бы очень кстати, так как головная боль начала усиливаться, требуя своей законной опохмелки. Но тут пьянь вспоминает, что еще вчера, решила, с сегодняшнего дня не пить. Потому, через силу выдавливает из себя:

– Только без водки и прочего бухла, пожалста.

Она вешает трубку и уже собирается опять лечь на диван, как вдруг видит на полу черную рясу. Лукреции становится не хорошо и смутные предчувствия начинают одолевать ее. Теперь она слышит, что в ванной будто бы кто-то моется.

Так и есть. Матушка Глафира стоит в ванной и намыливает свое староватое тело. Увидев в дверях Лукрецию, она от неожиданности вздрагивает.

– Ох Лукерьюшка, согрешили мы с тобой. Дуры. Бабы пьяные... Уж ты прости меня, бестолковую, что втянула тебя... Уж очень ты хороша была в баньке-то... не выдержала я, юность свою монастырскую вспомнила...

Лукреция кое-что начинает припоминать... «Докатилась! Лесбуха ебаная»

– Все, раскаиваться будем потом и не здесь. Сейчас ко мне друг придет, так что мойся быстрее и беги в свой монастырь.

Заметно, что Глафира обиделась, но сейчас это даже к лучшему – быстрее уйдет.

Ушла, а через пару минут, нарисовался Прокл. Он внял просьбам и вместо алкоголя принес торт. По такому случаю, Лукреция кипятит воду и заваривает свежего чая. Торт. Она уже забыла, когда ела его в последний раз. Это было вкусно, приятно..., но блядь, один хер ей хочется забухать. Она чувствует, что ей просто необходимо поделиться с кем-нибудь этой проблемой.

И пьянь не выдерживает – делится. Гость важно задумывается. Кажется, он сразу осознал Лукрециеву беду. Спустя некоторое время, Прокл говорит, что тут один выход – нужно лечиться в специальной, закрытой лечебнице, он мол, знает одну такую. Кореш его, будто бы лечился там и вылечился – уже год не пьет. Лукреция хмыкает и отвечает, что это здорово, и она с удовольствием полечилась бы там, да денег у неё осталось не много – все что годами скопила уже пропила. Осталась так, мелочь.

И тут Проклушка удивляет. Нисколько не скромничая он говорит, что даст бабла.

– С хуя ли, – не верит конченная пьянь.

Тут Прокл немножко мнётся, но потом все же говорит, будто сорвал где-то, нехилый куш. После этого, он на мгню-

вание замолкает, мельком смотрит на огромную клетчатую сумку, которую принес собой и добавляет:

– Теперь мне нужно на время, где-нибудь затаиться.

В общем, он предлагает снять у Лукреции квартиру, а деньги, которыми он заплатит за проживание, можно будет потратить на лечение.

Конечно, предложение звучит слегка гниловато – брать деньги за жилье со своего друга, хоть и не близкого, пьянь не хочет – но, тем не менее. Она думает пару минут, потом еще немножко ломается и решает, что деваться ей, в общем-то не куда. Не спиваться же из-за своей подлой гордыни. И соглашается. «Может они проснулись наконец?». Да и Проклу, в чём тот сам признается, лучше бы пожить одному.

Ловкий бандюга приступает к действиям. Он находит по телефонному справочнику номер той лечебницы и звонит. Там отвечают, что через час будут.

Лукреция тут же начинает суетливо собираться, все время путаясь, не зная толком что с собою взять и по пути пытается давать Проклу всяческие указания по хозяйству, которое за время её пьянства, мягко говоря, сильно порушилось. Тот в свою очередь успокаивает, что все будет в порядке. Он мол, вообще не будет выходить из дома в целый месяц, так что от скуки наведет здесь порядок. Пьянь поверила. Прокл никогда ей не врал.

Когда приехала машина из лечебницы, бандюга залез ру-

кой в ту самую, здоровенную сумку, достал из нее пачку денег и отдал Лукреции, сказав, что это на лечение и мелкие расходы. Пьянь взяла их и не внятно бормоча себе под нос:

– Проснулись голубчики. Проснулись наконец, – с легким сердцем уехала.

Наконец Прокл остался один.

– Кто это, бля у неё проснулся? Совсем крышу у дурёхи сорвало. – Он присел на диван, приколотил небольшой косяк, подкурил и смачно затянулся.

Теперь все будет хорошо. Главное сделано, осталась мелочь – тихо пересидеть месяц никому, не попадаясь на глаза. Повезло, что он умудрился в такой напряженный момент вспомнить о Лукреции. Впечатление, что ему подсказали это откуда-то сверху. В тот момент, когда он уже совсем отчаялся и впал в панику, его будто озарило. В голове кто-то произнес – Лукреция! и все вышло круто. Да, всё же он, Прокл, родился под счастливой звездой. Это точно.

Докурив косяк, Прокл прошелся по квартире, огляделся. Жилье, прямо скажем, выглядело не очень аппетитно. Но деваться было некуда и пришлось взяться за уборку.

Провозился до вечера, зато результат был весьма заметен. Разбросанные по всюду шмотки Лукреции, он собрал в один пакет и запихал на антресоль, помыл полы, содрал с окон шторы и выбросил, ибо они оказались настолько зачморенные, что стирать их было просто в падлу. Стер пыль со шка-

фов, подоконников и прочего, помыл плиту на кухне, унитаз, ванну... ну в общем сделал все как надо. Проветрил комнаты. Дышать стало легче. По крайней мере, теперь почти не чувствовался этот ужасный запах не свежести, столь присущий квартирам алкоголиков. Позвонил в магазин, который доставляет товар на дом, и заказал всякой ерунды необходимой в хозяйстве. Заказал также пиццу.

Принял душ.

В общем, устроился на новом месте, как мог и начал жить.

Тут надо добавить, что в то время, Прокл очень много курил анаши и как у всякого, кто с этим знаком, у него развилась мания преследования. В свете последних событий, эта напасть беспокоила его особенно сильно. Ему постоянно мерещилась всякая фигня. Он боялся привлечь к себе внимание, потому все время был в напряжении. Естественно, из дома никуда не выходил, боялся даже нос показать. Сидел один, в тишине без музыки и телевизора – у Лукреции ничего не было. Свет естественно тоже не включал, потому жил как зверь – просыпался на восходе и засыпал на закате. Короче говоря, Прокл начал потихоньку сходить с ума. Долгими бессонными ночами его мучила совесть за содеянное. Ему виделось окровавленное лицо того типа, пытающегося выговорить своими разбитыми в клочья губами одно слово:

– Не убивай...

Это было ужасное время. Каждый раз, когда хлопала дверь в подъезде, Прокл вздрагивал и хватался за оружие.

На телефонные звонки он не отвечал. Пару раз, кто-то ломился в дверь, и он еле сдержал себя, чтобы не начать палить. Ещё боялся, что Лукрецию хватятся, будут искать, поэтому, еще, когда она была здесь, попросил написать записку, что она уехал в деревню отдохнуть на месяц. Теперь эту записку повесил на дверь и ходить перестали.

Питался Прокл преимущественно пиццей, благо ее легко было заказать по телефону.

Тем не менее, ему отчего-то казалось, что поедание пиццы по два, три раза в день в течение месяца, может вызвать некоторые подозрения. Он не знал, как избавиться от этих навязчивых идей и в итоге решил делать крупные заказы, рассчитанные на трех, четырех человек. Пиво и водку тоже неизменно заказывал в большом количестве, дабы люди думали, что тут весело проводят время, а вовсе не скрываются. Конечно, он ни чего этого не пил, просто складывал вдоль стен. Почему-то ему казалось, что крупные заказы выглядят менее подозрительно. Ведь искали его одного, а не группу людей. Чтоб его не узнали курьеры, он постоянно встречал их в одежде деда мороза, клоуна или еще кого, благо время было предновогоднее и это не вызывало подозрений. Да и пиццерий в округе было вдоволь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.